

Институциональные особенности противостояния России и Османской империи в XVIII веке

Попов Григорий Германович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Токмаков Дмитрий Сергеевич

Ставропольский аграрный государственный университет, Россия, e-mail: serge.tokmakov@mail.ru

Цитирование: Попов Г.Г., Токмаков Д.С. (2023). Институциональные особенности противостояния России и Османской империи в XVIII веке. *Terra Economicus* 21(3), 58–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-58-69

Статья посвящена вопросу противостояния России и Османской империи в XVIII в., с точки зрения влияния институциональных особенностей, определяющих военную организацию и принципы государственной экономической политики, на успехи и неудачи обоих государств в этом противостоянии. Авторы доказывают, что экономически Турция не отставала от России вплоть до середины XVIII в. По военно-морским вооружениям Османская империя также опережала Россию до середины XVIII в. в количественном отношении. Экономические сложности привели Османскую империю к военно-политическому кризису в конце XVIII в. Главной причиной этого кризиса авторы считают не экономику, но неправильно выбранную стратегию и возврат османской политической элиты к вооруженной экспансии в Восточной Европе. Авторы видят преемственность в российской внешней политике в зоне Черного моря, связывая ее не только с идеей освобождения православных народов Балкан от османов. Авторы также показывают влияние российско-австрийского альянса на военное положение России во время русско-турецких войн. До реформ Екатерины II альянс с Габсбургами имел очень важное для России значение, поскольку Турция обладала достаточно мощными армией и флотом. К счастью для России, реформы Селима III не носили комплексного характера, что не позволило османам взять реванш за предыдущие поражения.

Ключевые слова: Русско-турецкие войны; Османская империя; Крымское ханство; внешняя политика России в XVIII веке; институциональная история Турции

Confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the 18th century: An institutional approach

Gregory G. Popov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Dmitry S. Tokmakov

Stavropol State Agrarian University, Russia, e-mail: serge.tokmakov@mail.ru

Citation: Popov G.G., Tokmakov D.S. (2023). Confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the 18th century: An institutional approach. *Terra Economicus* 21(3), 58–69 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-58-69

We analyze confrontation between Russia and Ottoman Empire in the XVIII century. Our focus is on the institutional factors affecting military organization and the principles of state economic policy, in their relation to the success and failure during confrontation between Russia and Ottoman Empire. We argue that Turkey did not lag behind Russia economically until the middle of the XVIII century. In terms of naval armaments, the Ottoman Empire was also ahead of Russia until the middle of the XVIII century, since Turkey possessed more ships. Economic difficulties led the Ottoman Empire to a military and political crisis at the end of the XVIII century. We believe that the main reason for this crisis is not the economy, but the wrong strategy and the return of the Ottoman political elite to armed expansion in Eastern Europe. We link Russian foreign policy continuity in the Black Sea Region not only with the liberation of Orthodox Christian peoples of the Balkans from oppressive Turkish yoke. The influence of the alliance with Austria on the development of Russia's military situation during the latter's wars with the Ottoman Empire. The influence of the Russian-Austrian alliance on the military position of Russia during the Russian-Turkish wars also played an important role. Before reforms implemented by Catherine the Great, the alliance with the Habsburgs was very important for Russia, since Turkey had a powerful army and navy. Fortunately for Russia, the reforms of Selim III were not of a complex character, which did not allow the Ottomans to take revenge for previous defeats.

Keywords: Russian-Turkish wars; Ottoman Empire; Crimean Khanate; Russian foreign policy in the XVIII century; institutional history of Turkey

JEL codes: N10, N13, N15, N23, N25, N35, N45

Введение

Со времен Холодной войны верх в западных академических трудах взяла традиция объяснять успехи российской внешней политики в Позднее Средневековье и Новое время военными победами. Однако в науке недостаточно раскрыта связь между институтами, идеологией и эффективностью вооруженных сил. Пример Турции опровергает устоявшиеся либеральные доктрины, что демократические институты способствовали успешности западноевропейских государств. До конца XVIII в. османы могли противостоять Австрии Габсбургов, которую поддерживала половина христианской Европы.

Надо особо отметить, что статистические материалы по интересующему нас периоду в экономической истории Турции стали публиковаться и анализироваться специалистами относительно недавно, примерно с конца Холодной войны, но настоящий прорыв в данной области обозначился

не ранее 1995 г. В России положение с изучением архивов по истории хозяйствования обстояло лучше, но до «перестройки» определенное влияние на этот процесс оказывала коммунистическая идеология. После 1985 г. акценты в изучении отечественной истории сместились в сторону анализа сталинского периода, а затем (уже примерно после 2010 г.) и позднего советского периода, интерес к XVIII в. заметно ослаб. К тому же, исследователи редко занимались поиском причин успехов России в многолетнем противостоянии с Турцией. Нередко историки и другие обществоведы считали и считают, что причины, как говорится, «лежат на поверхности» и сводятся, в общем, к отставанию Османской империи от европейских народов. Сама эта проблема глубоко научно не прорабатывалась.

В статье мы рассматриваем процесс противостояния России и Османской империи в контексте влияния на него институтов государственного устройства. Соответственно, целью статьи является показать влияние институтов на успехи Русской армии в противостоянии с Османской империей в интересующий нас период. Мы фокусируем внимание на военных событиях с 1711 по 1770 гг., так как в этот исторический отрезок времени Турция могла относительно на равных противостоять России.

В связи с целью работы поставлены следующие задачи: 1) выявить соотношение потенциалов вооруженных сил России и Османской империи в первых трех четвертях XVIII в.; 2) проследить в историческом времени связь государственных институтов и социально-экономического развития; 3) выявить период, когда Россия значительно стала опережать Османскую империю в экономическом развитии.

Для решения поставленных задач применены следующие методы: проблемно-исторический, историко-проблемный, системного анализа.

Идеология и институты

В современной науке идеология трактуется достаточно широко. Либеральные и марксистский подходы трактовали и трактуют политическую систему России до 1917 г. как отсталую, но более передовую, нежели у восточных народов, чем и объясняются успехи российской экспансии в южном и восточном направлениях. При этом в рамках западной либеральной историографии на первое место был вынесен природный фактор, определявший вотчинный характер Русской государственности, как это наиболее ярко отражено у Ричарда Пайпса (Пайпс, 2012). Россия после 1700 г. все меньше напоминала эту систему общественного устройства, в отличие от Турции и других стран Востока.

С религиозным фактором связана экспансия России на Юг, которая объяснялась стремлением освободить православные народы Балкан, а затем Закавказья. Мы видим, что Восточный вопрос в то время был, но он не являлся определяющим и, во-вторых, он охватывал Балканы, но Северный Кавказ и Закавказье находились в его «тени».

В Османской империи султан считался наместником Аллаха, отсюда земля юридически принадлежала государству, которое передавало ее крестьянам (İnalçık and Quataert, 1995: 103–179). Крестьяне находились в управлении знати посредством институтов «тимара» (*timar*) и «чифлика» (*chiftlik*).

Система «тимар» отличалась от европейского феодализма. Турецкий аналог дворян – «сипахи» – обязаны были собирать налоги на свое собственное содержание с определенного количества приписанных к ним крестьян, и еще на эти деньги обучать и вооружать воинов.

К XVIII в. значение «тимара» в Османской империи заметно снижается, что было связано с распространением огнестрельного оружия (Darling, 2017: 39). Как и дворянское ополчение в России, «тимар» пришел в упадок, «сипахов» уже в первой половине XVII в. стали активно переводить на службу в пограничные гарнизоны (Ibid.: 37). В XVI в. правительство Турции пыталось организовать из христиан в периферийных провинциях что-то наподобие территориальной милиции (Uyar and Erickson, 2009: 63–65). Но власти Порты осторожно относились к таким войскам, поэтому эта функция передавалась в основном «сипахам» и янычарам.

На каждые 3000 акче дохода с «тимара» «сипах» обязан был выставить одного воина. Феодальное землевладение в Османской империи было слабо развито даже в конце XVIII в. В 1792–1793 гг. в империи насчитывалось 5 681 феодальное владение, в 1795 г. – 6 341. Большинство из них давали доход 10 000 акче (Cezar, 2014: 459–463) (эквивалентно примерно 13 кг серебра). В 1792 г. все феодальные хозяйства Оттоманской Турции должны были дать почти 74 000 кг серебра.

«Сипахи» часто получали мелкие наделы в разных деревнях, из этих наделов складывался сам «тимар», который оставался неделимым. Увеличение численности «сипахов» не влияло на количество «тимаров» (İnalçık and Quataert, 1995: 114–117).

К 1700 г. в России образовались многочисленные роды поместной аристократии. Всего в XVII–XVIII вв. в России насчитывалось 5 588 фамилий феодальных землевладельцев (Черников, 2018: 45).

Если судить по имениям Елизаветы Воронцовой, пожалованных ей Петром III, каждый крепостной крестьянин приносил доход примерно 1 руб. (Семевский, 1906: 6), что эквивалентно приблизительно 20,4 гр серебра. В ряде имений оброк составлял и 2 руб. с души уже в 1760-е гг., в 1770-е гг. 2 руб. были уже нижним потолком по данному типу платежа (Дружинин, 1956). Для большинства территорий оброчные платежи должны были составлять в среднем 2 руб.

Всего в начале правления Екатерины II в России было около 3,5 млн крепостных крестьян (Черников, 2018: 42), и они могли дать помещикам 142 800 кг серебра (оброк можно рассматривать как и денежный эквивалент барщины), что только в два раза больше, чем в совокупности у феодальных хозяйств Турции в 1792 г.

Альтернативой «тимару» был институт крупного и среднего поместья «чифлик», находившийся в собственности «аянов» – глав местных администраций, которым разрешалось за исполнение обязанностей пользоваться крупными земельными владениями, официально принадлежавшими государству (Sruatoroulos et al., 2020). Современными историками высказываются сомнения, что «чифлик» в XVIII в. был переходной формой от феодализма к капитализму, учитывая, к тому же, низкую продуктивность этой формы землевладения (Ibid.). В XVIII в. «чифлик» все-таки оставался, скорее, единицей для выполнения налоговых выплат.

Промышленный рост после прихода к власти Екатерины II способствовал экспансии Российской империи, большие инвестиции делались в индустрию. В 1773 г. стоимость промышленной продукции в России была оценена Мануфактур-коллегией как почти 3,55 млн руб. (Новикова, Рогачевская, 2010: 164), что эквивалентно примерно 70 т серебра. Кроме того, усилился процесс передачи в частные руки неэффективных государственных имений, где доходность на одного крестьянина составляла 1 руб. и даже менее. Подушный налог с крестьян оставался с Екатерины I до 1794 г. 70 коп. (Ключевский, 1902: 218), это должно было облегчить положение русского крестьянства, так как рубль постоянно обесценивался. В то же время, судя по резкому увеличению оброчных платежей в 1770-е гг., продуктивность сельского хозяйства в России при Екатерине II значительно возросла. Отчасти это можно объяснить Манифестом о вольности дворянства Петра III.

Военный потенциал России и Османской империи в XVIII в.

Сложившаяся к середине XVIII в. структура войск по их типам в России и Турции отражает долгосрочные стратегические задачи, решаемые государствами. В 1761–1762 гг. турецкий армейский контингент, финансируемый из казны центрального правительства, насчитывал 196 841 чел., из них 141 116 – в гарнизонах (Ágoston, 2011: 303). Гарнизонные войска составляли в Османской империи примерно 40–50% от всей армии (Ágoston, 2011: 304).

В 1721 г. в России произошла демобилизация, тогда численность пехоты составила 70 000 человек, кавалерии – 37 850, регулярная армия была сведена к 112 000 человек при 480 орудиях, состав иррегулярных войск был: 68 000 поселенных войск, 10 000 бойцов ландмилиции, 37 800 казаков (Кутыщев, 2006). Таким образом, соотношение между «ударными» и гарнизонными войсками в России и Османской империи было примерно одинаковым.

В результате реформ фельдмаршала Х.А. Миниха штатная численность пехоты стала в 1731 г. 68 000 человек, кавалерии – 41 500 человек. Вскоре опыт войны с Османской империей (1735–1739 гг.) показал потребность в гусарах, их полки были восстановлены в 1741 г. В 1782 г. численность Русской армии была доведена до 518 000 человек (Ágoston, 2011: 299). Такое увеличение численности армии было связано как с протяженностью границ, так и немалыми нестроевыми потерями в ходе боевых действий на периферии империи.

У турок разведка традиционно была организована на высоком уровне. Поэтому через свою агентуру они уже осенью 1710 г. хорошо знали о подготовке Русской армии к походу (Silahdar Findiklilü Mehmed Ağa, 2001). В ноябре 1710 г. правительство Османской империи приступило к мобилизации, были проведены соответствующие мероприятия в провинциях, подготовлены 30 000 янычар, а также 10 000 джебеджи (отдаленный аналог кирасир) и 7000 артиллеристов (Ibid.).

Петр I мобилизовал против османов 40 000 человек. Крымский хан появился в степях за Перекопом с войском в 15 000 человек и разгромил несколько обозов, что значительно ухудшило снабже-

ние Русской армии (Altınay, 2011: 49). Ожидавшегося восстания балканских народов не произошло. Молдавский господарь Кантемир смог привести с собой 6 000 плохо вооруженных и необученных ополченцев. В итоге происходит общеизвестная история с окружением Русской армии на Пруте. Итогом стало заключение мира, по которому Россия отдавала Азов.

Смысл похода Петра Великого в Молдавию заключался в идее открыть Босфор и Дарданеллы для русской торговли, присоединив при этом к России Крым, гавани которого планировалось использовать в коммерческих целях (Тарле, 1994: 63–64).

Сколько было османов на Пруте, до сих пор точно не установлено, но минимальная оценка – 80 000 человек. По данным Суттона, численность турецкой пехоты не превышала 40 000 человек (Водарский, 2004: 95). Однако у османов было много вспомогательных контингентов. Огромную, по тем временам, армию они перебросили и обеспечили в Молдавии снабжением за примерно 3 месяца, чему во многом способствовала мобилизация судов. Турки также собрали крупный боевой флот (только кораблей в нем насчитывалось 17 штук) для удара по Азову, у стен которого должны были высадиться 26 000 солдат (Там же: 96). Сам такой дерзкий поход турецкого флота стал возможен в силу того, что флот России на Азовском море достроен не был. Кораблей было столько же, сколько у османов к лету 1711 г., но многие из них оставались в устье Дона, будучи еще недостаточно оснащенными (Данилов, 1996: 15–19). Но официально после Азовской кампании Петра I и до июля 1711 г. на Воронежских верфях были построены только корабли 16 шт. (Там же).

Русская армия потеряла безвозвратно около 8 000 человек (Тарле, 1994: 59), или более 20% от первоначально задействованного в операции состава. По Росписи Русской армии, на Пруте были 38 246 человек, из которых 6692 кавалериста. У этой армии имелись 122 орудия (Водарский, 2004: 94). Точных данных о количестве орудий у турок тоже нет, но минимальная оценка – 255 шт. разных типов (Там же: 96).

В Полтавской битве Русская армия потеряла 1 345 солдат и офицеров убитыми, общие безвозвратные потери не известны, но, скорее всего, они не превышали 3 000 человек, или менее 5% от участвовавших в битве. Под Нарвой Русская армия потеряла безвозвратно около 7 000 человек (максимальная оценка), т.е., все-таки менее 20% личного состава, при этом армия была разбита. Таким образом, по потерям личного состава Прут вполне сопоставим с Нарвой.

Даже в случае победы Русской армии на Пруте предстояла долгая война с Турцией. Как показала осада Белграда австрийской армией Евгения Савойского, в 1717–1718 гг. османы были в состоянии собрать на главном направлении до 150 000 солдат и офицеров (Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen, 1876: 63).

В связи с поражением на Пруте экспансия Петра Великого меняет направление в сторону Каспийского моря. После смерти Петра Великого происходит затишье в экспансионистской политике России на Юге, но в 1735 г. начинается очередная Русско-турецкая война, которая в Турции получила название осmano-русско-австрийской войны. Из разницы названий видно и достаточно неодинаковое видение характера этой войны. Если для российской историографии австрийский союзник оказался в тени, то для турок нет.

Вступление России в войну стало для Порты неожиданным. Но и Россия к войне подготовилась недостаточно (Баинов, 1906: 182). В Санкт-Петербурге были убеждены, что молдаване и другие православные народы восстанут, как только на Дунае появятся русские войска, в связи с чем, согласно этой старой идеологической схеме, главным направлением наступления были выбраны Балканы (Там же: 152). Вначале маршал Миних хотел взять Азов, но в 1735 г. он отказался от этого плана из-за нехватки артиллерии (Там же: 182).

В начале 1736 г. для действий против Крыма Миних создал Днепровскую армию численностью 55 037 регулярных солдат и офицеров (40% из них составляла кавалерия) и 30 030 нерегулярных (казаки). Артиллерия армии состояла из 92 орудий (Баинов, 1906: 203). Во вспомогательной Донской армии насчитывалось 45 352 человека (из них 8 000 донских казаков) при 284 орудиях (Там же). Из-за сложностей с логистикой осада Азова затянулась. Кроме того, не оправдались данные разведки, что в этой крепости маленький турецкий гарнизон. Фактически Азов защищали 5 890 солдат и офицеров при 136 медных и 68 чугунных пушках (Там же: 226). Качество русской артиллерии оказалось лучше, что и предопределило победу (Там же: 227).

В середине мая 1736 г. Миних взял Перекоп, который защищали менее 3 000 турок, крымские татары из-за слабого вооружения не смогли оказать серьезное сопротивление, имея при этом более

100 000 сабель. Но Миних, вместо того чтобы дождаться подкреплений и увеличить запасы продовольствия, решил наступать, опасаясь, что турки перебросят в Крым подкрепления. Однако армия османов во главе с визирем отправилась в крепость Очаков, создав таким образом угрозу тылу уже овладевшей Крымом армии Миниха. Это и заставляет последнего отступить с полуострова (Баинов, 1906: 272). У России фактически не было на Азовском море флота, который мог бы обеспечить снабжение оставленных Минихом в Крыму гарнизонов, но и на укомплектование последних не имелось достаточно солдат.

Событием, решившим окончательно исход войны, стала Ставучанская битва (недалеко от Хотина) 28 августа 1739 г. У Миниха было фактически 48 000 человек (формально около 61 000, но многие из них больные и нестроевые) против приблизительно 40 000 янычар Вели-паши (столько же у него имелось крымских татар). Качество и количество турецкой артиллерии, что главное, были хуже: 70 орудий против 250 орудий у русских (Баинов, 1906: 278).

Почему у Вели-паши оказалось так мало регулярных войск и артиллерии? На Балканах происходят события, дающие ответ на этот вопрос. Летом 1739 г. крупные силы османов наступают на Белград (Karagöz, 2018: 33), 22 июля 1739 г. происходит битва при Гроцке в Сербии, где австрийская армия Вильгельма фон Нейпперга терпит поражение от Иваза Мехмет-паши.

Австрию втянул в войну граф Остерман, который ссылаясь на договор о взаимопомощи от 1726 г. Армия империи Габсбургов насчитывала около 91 000 человек весной 1736 г. (Angeli, 1881: 263). Успех первоначально сопровождал австрийцев, которые наступали против разрозненных сил, в основном, добровольцев. Австрийцы взяли крепость Видин и при поддержке хорватов стали вытеснять турок из Боснии, где в турецкую армию были мобилизованы все способные держать оружие мусульмане. Вскоре в результате этих мероприятий, а также увеличения налоговых поступлений с городов Османской империи турецкий командующий Хекимоглу Али-паша имел уже более 60 000 человек, а через некоторое время – около 100 000 (Karagöz, 2008: 45).

В начале 1739 г. турки собрали для осады Белграда 484 орудия и 164 мортиры (Karagöz, 2008: 64). Для доставки такого большого количества орудий, боеприпасов и прислуги, а также другого военного имущества османам пришлось снарядить на Дунае крупную флотилию галер.

Выбор главного направления удара был верный: потеря Белграда и угроза выхода турецких сил на равнины южнее Граца должны были заставить австрийцев пойти на переговоры. Расчет оправдался: Габсбурги сдали все, что было завоевано на Балканах в 1718 г. Евгением Савойским, включая и непосредственно Белград с окрестностями. Правда, Россия вернула себе Азов и устье Дона, строительство флота России запрещалось, как и ведение торговли на кораблях, которые не были под турецким флагом. Одним из результатов этой сомнительной победы стало то, что в Стамбуле вскоре всерьез задумались о возобновлении экспансии в Восточной Европе и подчинении себе Речи Посполитой. Правда, главными причинами объявления России войны в 1768 г. султан считал вмешательство последней во внутренние дела Османской империи, в частности, – помощь Грузии (Yıldız, 2022: 2). Также назывался конфликт российских властей с кабардинскими князьями (Ibid.).

Турция могла мобилизовать минимум 300 000 чел. (завышенная оценка современников тех событий), включая силы Крымского ханства, Россия – максимум 125 000, включая союзные контингенты. Правда, у русской стороны имелось превосходство – технически русская артиллерия и стрелковое оружие были лучше.

По другим данным, из-за сложностей с логистикой и финансированием турки смогли развернуть против России в 1768 г. следующие силы: «заслон» в Молдавии – 6 000 конных и пеших албанцев, 14 200 янычар и войск других типов отправились в Очаков, 17 560 человек – для гарнизона крепости Хотин, 3 100 – для Бендер, 15 000 дворцовых сипахов были переброшены в Крым, в общей сложности были собраны 81 760 человек для отправки на северные рубежи, но из этого числа, как мы видим, не все отправились в Молдавию и в Хотин (отдельную армию предполагалось отправить под Азов, но, судя по всему, ее не удалось подготовить). Группировка примерно в 60 000 янычаров была сосредоточена на Дунае и в других тыловых пунктах в зоне Черного моря, от 40 до 50 тыс. воинов мобилизовал крымский хан (Aksan, 2010: 152). Непосредственно П.А. Румянцеву под Хотиным могли противостоять менее 18 000 турок. В других источниках, в частности, русских, назывались большие цифры, но они составлялись на базе неточных сведений.

Против гарнизона Хотина русское командование собрало около 80 000 человек. Ряд неудачным приступов привел русские войска к большим потерям: по некоторым данным общие потери погиб-

шими составили приблизительно 35 000 человек к середине апреля 1769 г. Под Хотиным русские были атакованы кавалерийским отрядом Абаза Мехмед Паши. В столкновениях с этим отрядом, по турецким данным, погибли более 14 000 русских (Kesbi, 2002: 52) (современник тех событий Мустафа Кесби, скорее всего, преувеличил русские потери, но они были немалыми). Однако далее турки в верховьях Днестра столкнулись с трудностями со снабжением, не хватало хлеба (Resmi, 2011: 17–18).

В Стамбуле надеялись, что продовольствие в Хотин будет доставлено польскими конфедератами Потоцкого, это и обещал последний, но плохой урожай в Польше не дал такой возможности. Хлеб из Молдавии для турок в Хотин тоже не приходил. К июлю 1769 г. туркам удалось сосредоточить в Хотине до 45 000 человек, но для отражения нового русского наступления этого было уже недостаточно (Kesbi, 2002: 53). Кроме того, среди турок в крепости не было ни одного артиллериста при наличии 500 орудий. 14 августа 1769 г. русские снова отступили от стен Хотина из-за подхода к городу турецких подкреплений. Но через несколько месяцев Хотин был сдан в основном из-за дефицита продовольствия и больших потерь, понесенных турками на Днестре.

К середине июля 1770 г. османам удалось собрать на р. Прут около 75 000 чел. против армии П.А. Румянцева, насчитывавшей 40 000 чел. (Stone, 2006: 78). Турецкие войска были хуже вооружены и обучены, что предопределило их разгром. Однако в сражении у Фалки 19 июля 1770 г. участвовали около 30 000 турок, П.А. Румянецв победил за счет внезапности. Последовавшее затем 2 августа сражение у Кагула показало превосходство русских войск в огневой мощи (Aksan, 1995: 148).

Менее понятно, на первый взгляд, почему Турция потерпела поражение в войне 1787–1792 гг., когда она уже имела большой опыт. Причина – экономика: страна была разорена предыдущей войной 1768–1774 гг. (Cezar, 1988: 92; Osmanlı, 2003: 189) и не могла восстановиться из-за хронических хозяйственных проблем.

Основной стратегией турецкого командования в 1787–1788 гг. стала оборона ключевых крепостей, среди которых особое значение отводилось Хотину. Но этот бывший польский рыцарский замок находился слишком близко и от австрийской, и от российской границ, поэтому войска этих двух империй не имели логистических сложностей для проведения операций против Хотина, который, по планам Стамбула, должны были защищать 38 500 солдат и офицеров при 194 орудиях (Kuzucu, 2012: 100). Османам готовы были бороться за каждую крепость, включая Анапу, что означало распыление ресурсов.

Корни опережения в военно-технической и государственно-хозяйственной сферах

Остановимся на артиллерии, так как, очевидно, мобилизационный механизм и его институты в Российской империи ненамного превосходили турецкие даже в конце 1760-х гг.

Из-за победы на Пруте в 1711 г. османская военно-политическая элита была уверена в том, что модернизировать армию не имеет большого смысла. И только в середине XVIII в. турки всерьез задумались об исправлении артиллерии в ракурсе улучшения ее баллистики, но эти исследования велись медленно и на базе заимствований из старых французских источников (Başaran, 2019: 23–28). Правда, в 1720-е гг. среди турецкой элиты получило распространение французское влияние, но оно носило больше культурный характер.

Центральная власть в Турции имела, в силу своих ментальных особенностей, ограниченную мотивацию непосредственно создавать схемы реформирования страны. Например, султан Селим III в мае 1789 г. сформировал специальный совет по выработке реформ (это было вызвано поражениями в войне с Россией), состоявший из 200 чел. Всего лишь 24 из них написали памфлеты на предмет преобразований. Двое из этих авторов являлись офицерами, один из них – французский наемник (Uyar and Erickson, 2009: 120). Из этого сюжета видно, что верховная власть у османов была сильно дистанцирована от общества. К тому же, офицерский корпус оставался даже в конце XVIII в. крайне консервативным.

В конце XVIII в. Турция сама начала приобретать военные суда. Селим III обратил внимание на упадок кораблестроения, в связи с чем он провел модернизацию Стамбульской верфи, для чего он нанял французских инженеров. Стартом для этих реформ послужило поражение турецкого флота в Чесменском сражении в 1770 г. (Türk Silahlı Kuvvetleri Tarihi, 1995: 216).

За более чем 20 лет до знаменитого совета реформаторов Селима III командующий турецким флотом Хасан-паша написал, что главной проблемой государственного управления в Османской им-

перии является то, что все реформы рассматриваются придворными группировками с точки зрения личной выгоды, но не общественного интереса (Uyar and Erickson, 2009: 119).

Как и Россия, Турция заимствовала военные технологии у Запада. В этой области Россия опережала Турцию. Во-первых, турецкая элита не испытывала столь большого, как русская, интереса к техническому образованию. В этой связи разработки новых скорострельных пушек велись французских офицером на турецкой службе бароном де Тодтом, пушки поступили в массовое производство с опозданием. В производстве орудий преобладали легкие малокалиберные образцы (Agoston, 2014: 101). Выпуск осуществлялся согласно заказам командующих армий, и последние руководствовались, мы думаем, проблемами логистики и экономии пороха. То же самое касается командиров крепостей.

Насчет пороха есть данные о том, что специально построенный еще в Позднее Средневековье в Стамбуле завод получил задание произвести в 1740 г. 1500 кантаров пороха. Скорее всего, турками в то время применялся кантар, равнявшийся 84,5 кг. В таком случае, заказ равнялся примерно 130 т пороха. Заказ не был выполнен, так как заводу не хватило запасов угля (Türk Silahlı Kuvvetleri Tarihi, 1995: 209). Среднегодовые мощности Стамбульского порохового завода равнялись в XVIII в. в среднем 84,5–169 т (Gölen, 2006: 220–222). Такой объем производства пороха на главном заводе был незначительным, если учесть, что в относительно тихом, по меркам Северной войны, 1710 г. Русская армия израсходовала 279 т пороха (Попов, 2012: 74). У османов имелись и другие, меньшие заводы, находившиеся в собственности государства. Но Россия импортировала порох и селитру, когда Турция до конца XVIII в. обходилась своим производством, экономя серебро, которого было немного в бюджете из-за низкой собираемости налогов. Достичь российского уровня середины XVIII в. Османская империя смогла только на рубеже XVIII–XIX вв. после строительства завода Азадлу в окрестностях Стамбула в 1796 г. Этот завод смог произвести 564 т пороха за счет введения технологии водяной энергии. По качеству турецкий порох почти сравнивался с английским в конце 1790-х гг. (Beydilli and Shahin, 2001: 48).

Надо отметить, что и Россия периодически испытывала сложности с производством пороха, которое было сосредоточено к началу правления Екатерины II на Охтинском заводе. Завод пришел в полный упадок около 1770 г. После реконструкции Охтинский завод дал в 1778 г. около 155 т пороха. Такого объема было явно мало, поэтому в 1787 г. империя завершила постройку знаменитого Казанского завода с ежегодной мощностью приблизительно 80 т. Закупать порох и для России было достаточно накладно, поэтому на этот счет развивались импортозамещающие производства (Лосик, Щерба, 2008: 78). До 1790 г. ошутимого отставания у османов по производству пороха от России не наблюдалось. Российская империя в конце правления Екатерины II производила в среднем около 210–220 т пороха (Там же). Главная причина этого заключалась в отставании России по производству селитры, импорт которой ограничивался иностранными государствами. Официальный Петербург смог добиться контрактов на закупки этого полуфабриката только в 1790 г. (Алексеев, 2023: 90). Аналогичная сложность имела место и относительно пороха, закупки которого также административно ограничивались на международных рынках (Алексеев, 2021: 33). Скорее всего, такой большой объем пороха в Русской армии к 1710 г. был обеспечен во многом зарубежными закупками, объяснить это внутренним производством достаточно сложно.

Тем не менее, надо отметить, что по стрелковым вооружениям и главному из них – мушкету – турецкая пехота почти ничем не уступала русской, кроме применения штыка, закрепленного под стволом (Agoston, 2008: 62–69).

В-третьих, только благодаря французам началась подготовка военных инженерных кадров, в 1770-е гг. произошло основание Военно-морской школы (Kartekin, 1958). Это опоздание связано с тем, что офицерский корпус всячески сопротивлялся введению стандартизации знаний по европейскому образцу. Массовый въезд в Турцию французских специалистов был разрешен только из-за резких осложнений отношений с Россией в конце 1760-х гг. Подозрения в политической неблагонадежности французских офицеров не были лишены оснований, так как они явно негативно относились к османскому консервативному внутриполитическому курсу (Berkes, 2004).

До Военно-морской школы в Стамбуле существовала армейская инженерная школа западного образца, созданная на базе своего турецкого аналога. Инженерная школа официально называлась школой геометрии и была основана известным французским ренегатом Клодом Бонневалем на рубеже 1720–1730-х гг. (Uyar and Erickson, 2009: 115). Представители турецкой военной элиты не хотели учиться в этой школе и не отпускали туда своих сыновей, школа будущих военных инженеров, на-

считывавшая в среднем 300 учеников, состояла в основном из боснийцев. Сказалось также то, что школа была основана ренегатом (для повышения к себе доверия в обществе Бонневаль даже принял ислам), которого в 1738 г. отправили в ссылку (*Ibid.*), и его школа постепенно после этого пришла в упадок.

Консервативны были и османские купцы, многие из них были христианами и занимались в основном более выгодной торговлей. Требовавшая концентрации капиталов промышленность слабо развивалась. Торговля среди турок-османов имела непрестижное значение. Кроме того, значительная часть турецкого населения принимала участие в колонизации, что требовало дополнительных людских и материальных ресурсов.

В XVII в. армяне и греки приобрели большой вес в экономике Турции. Богатые армянские семейные кланы получали сертификаты на исключительное право на ту или иную деятельность, в основном это была торговля (*Inalcik, 2000: 246–252*). Кроме того, недоверие к грекам провоцировало османское правительство ограничивать участие последних в торговле и промышленности (*Gibb and Bowen, 1957: 223*). Но к концу XVIII в. греки приобрели доминирующую позицию в некоторых сегментах османской экономики, в частности, в экспортной торговле балканским зерном (*Charlaftis, 1996*). Продавать хлеб в Стамбул было невыгодно, так как правительство устанавливало потолок цен (*Ağır, 2011: 12*).

Принудительная сдача хлеба государству, чтобы кормить Стамбул, провоцировали недовольство в провинциях и били в первую очередь по экономике мелких семейных хозяйств, которые уходили в Стамбул (*Ağır, 2011: 11*).

В качестве главного фактора отставания Турции в XVIII в. мы выделили бы то, что османские правительства упорно отказывались от меркантилизма. Точнее, меркантилизм не прижился у турок как принцип экономической политики, несмотря на то что отдельные протекционистские меры регулярно применялись. Во многом это было связано с тем, что в такой политике не были заинтересованы купеческие ассоциации. От внешнеторговых налоговых поступлений и импортных закупок в немалой степени зависела Османская империя. Кроме того, в XVIII в. усилилось влияние земельной аристократии в Турции, но именно крупные поместья отвечали за производство экспортного хлопка (*Frangakis-Syrett, 1992: 119–130*). Когда в Турции большие объемы инвестиций шли в трудоемкое производство хлопка, в России при поддержке государства развивалась капиталоемкая черная металлургия. Османская империя, начиная с примерно рубежа XVII–XVIII, стала импортировать большие объемы готовой продукции, преимущественно одежды. В России еще с Петровских реформ старт взяло импортозамещение. Положение Турции усугублялось также порочной практикой продажи лицензий на право торговли иностранцам (*Ibid., 1992: 130*).

В результате разных преобразований основанной на системе откупов отсталой налоговой системы налоговые поступления центрального правительства достигли 3% от ВВП страны только в конце XIX в., оставаясь до этого стабильно на уровне около 2% (*Ratuk, 2012: 27*).

Собираемость налогов в России была ненамного выше, чем в Турции, но российский ВВП в конце XVIII в. был намного больше. К тому же, налоговые поступления в Османской империи менее эффективно расходовались. В 1786 г. казна Османской империи получила только 136 т серебра против 214 т. в 1748 г. Если считать ВВП в серебре, то в 1786 г. он составил в Османской империи 6 800 т, при том, что 136 т налоговых поступлений равны 2% ВВП этого государства. В том же году доходы российского бюджета достигли 925 т серебра. Если предположить, что в Российской империи налоги также занимали не более 2% ВВП в конце XVIII в., то 46 250 т серебра был российский ВВП в 1786 г., или почти в 7 раз больше, чем ВВП Османской империи. Но в 1751 г. собираемость налогов в России была низкой. Очевидно, заметно меньше был и ВВП, налогов собрали в том году только 239 т серебра (*Agoston, 2011: 310*). Скорее всего, эффект дали реформы Екатерины II. Отчасти свою роль сыграла демография: если в 1725 г. население России составляло 14 млн чел, то в 1795 г. – 37,4 млн чел. Население Османской империи стабильно находилось в пределах 20–22 млн чел.

Заключение

Стал ли уход России от старых самобытных законов общественного устройства в пользу западных норм причиной успеха в ее противостоянии с Османской империей? Несомненно, да. Русское дворянское поместье оказалось эффективнее турецкого «тимара». Первое больше было похоже на за-

падное феодальное владение, но начало его формирования как института приходится все-таки на допетровские времена. Идеология не позволила султанской власти в Турции уйти от института государственной собственности на землю, что стало тормозом развития турецкой экономики.

Немаловажным аспектом в противостоянии России и Османской Турции стали военные долгосрочные стратегии и вызванное ими распределение ресурсов. Весь XVIII век османы следовали принципу – удерживать все укрепленные пункты на периферии своей империи любой ценой. Это и стало одной из важных причин поражения турецкой армии.

Если проводить аналогию между реформами Петра I и Селима III, то следует отметить, что последние не проводились, в отличие от первых, комплексно. При Селиме III внимание было сосредоточено на технологиях и военном производстве, но не на институтах государственного устройства, тогда как Петр Великий акцентировал свою реформаторскую политику на них.

Османские правительства в XVIII в. не могли эффективно проводить меркантилистскую политику, так как, согласно принятой турками идеологии, власть султана в первую очередь есть военная власть. В этой связи османская знать отдала экономику армянским и греческим бизнес-кланам. В России императоры обращали много внимания на экономику и внешнюю торговлю, что вытекало из принятых ими принципов меркантилизма.

Главное, что внутри турецкого общества не было социальных сил, активно заинтересованных в реформах, присутствовали только разрозненные группы их сторонников. Противоположия консерваторам в обществе тоже не было. В России реформы были востребованы элитарными и близкими к элитам сегментами общества, и это показывает весь опыт дворцовых переворотов, вольнодумства и самих институциональных реформ.

Литература / References

- Алексеев Т.В. (2021). Пороховое производство допетровской России в отечественной историографии. *Технологос* (4), 25–38. [Alexeev, T. (2021). Gunpowder production of pre-Petrine Russia in the native historiography. *Technologos* (4), 25–38 (in Russian)].
- Алексеев Т.В. (2023). Пороховое производство России в постпетровский период XVIII в.: результаты изучения и оценки отечественных исследователей. *Вестник Томского государственного университета* (487), 84–93. [Alekseev, T. (2023) Gunpowder production in Russia in the post-Petrine period of the 18th century: Results of domestic researchers' studies and evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal* (487), 84–93 (in Russian)].
- Баинов А. (1906). *Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг.* СПб. [Barinov, A. (1906). *The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. Russia's war with Turkey in 1736–1739.* St. Petersburg (in Russian)].
- Водарский Я.Е. (2004). *Загадки Прутского похода Петра I.* М.: Наука. [Vodarsky, Ya. (2004). *Riddles of the Prut campaign of Peter I.* Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Данилов А.М. (1996). *Линейные корабли и фрегаты русского флота.* Минск: Амалфея. [Danilov, A. (1996). *Battleships and Frigates of the Russian Fleet.* Minsk: Amalfea Publ. (in Russian)].
- Дружинин Н.М. (ред.) (1956). *Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в.* М.: Издательство Академии наук СССР. [Druzhinin, N. (ed.) (1956). *Essays on the History of the USSR. XVIII Century. The Second Half.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian)].
- Ключевский В.О. (1902). *Лекции по Русской истории.* СПб.: Типография В.О. Киршбаума. [Klyuchevsky, V. (1902). *Lectures on Russian History.* St. Petersburg: V.O. Kirshbaum Printing House (in Russian)].
- Кутищев А.В. (2006). *Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность.* М.: Компания Спутник+. [Kutischev, A. (2006). *Peter the Great's Army: A European Analogue or a National Identity.* Moscow: Sputnik+ Company (in Russian)].
- Лосик А.В., Щерба А.Н. (2008). Производство пороха в России от его возникновения и до XX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета* (4), 74–82. [Losik, A., Shcherba, A. (2008). Production of gunpowder in Russia from its origin up to the XX century. *Bulletin of St. Petersburg University* (4), 74–82 (in Russian)].
- Новикова И.А., Рогачевская М.А. (2010). Экономическая деятельность Екатерины II. *ЭКО* (8), 159–175. [Novikova, I., Rogachevskaya, M. (2010). Economic activity of Catherine II. *ECO* (8), 159–175 (in Russian)].
- Пайпс Р. (2012). *Россия при старом режиме.* М.: Захаров. [Pipes, R. (2012). *Russia under the Old Regime.* Moscow: Zakharov Publ. (in Russian)].

- Попов Г.Г. (2012). Социально-экономические причины поражения Наполеоновской Франции в Отечественной войне 1812 г. *Journal of institutional studies* 4(3), 72–78. [Попов, Г. (2012). Socio-economic reasons for the defeat of Napoleonic France in the Patriotic War of 1812. *Journal of Institutional Studies* 4(3), 72–78 (in Russian)].
- Семевский В.И. (1906). *Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II: Очерк из истории частн. земель. собственности в России*. СПб: Т-во И.Н. Кушнерев и К° [Semevsky, V. (1906). *Grants of Inhabited Estates in the Reign of Catherine II: An Essay from the History of Private Lands. Property in Russia*. St. Petersburg: Typography of I.N. Kushnerev and Co., 1906 (in Russian)].
- Тарле Е.В. (1994). *Русский флот и внешняя политика Петра I*. СПб. [Tarle, E. (1994). *The Russian Fleet and the Foreign Policy of Peter I*. St. Petersburg (in Russian)].
- Черников С.В. (2018). Дворянская собственность в России 1700–1762 гг. Родовая структура, динамика, оценка стабильности развития. *Cahiers du monde russe* 63, 477–526. [Chernikov, S. (2018). Noble property in Russia, 1700–1762. Generic structure, dynamics, assessment of development stability. *Cahiers du monde russe* 63, 477–526 (in Russian)].
- Ağır, S. (2011). *The evolution of grain policy beyond Europe: Ottoman grain administration in the late eighteenth century*. Center Discussion Paper, No. 999. New Haven, Yale University, Economic Growth Center.
- Ágoston, G. (2008). *Guns for the Sultan. Military Power and the Weapon Industry in the Ottoman Empire*. New-York: Cambridge University Press.
- Ágoston, G. (2011). Military transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500–1800. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12, 281–319.
- Ágoston, G. (2014). Firearms and military adaptation: The Ottomans and the European Military Revolution, 1450–1800. *Journal of World History* 25, 85–124.
- Aksan, V. (1995). An Ottoman statesman in war and peace: Ahmed Resmi Efendi 1700–1783. In: *The Ottoman Empire and Its Heritage: Politics, Society and Economy*, vol 3. Leiden: Brill Academic Publishers.
- Aksan, V. (2010). *Kuşatılmış Bir İmparatorluk Osmanlı Harpleri (1700–1870)*. İstanbul: Türkiye İş Bankası Yayınları.
- Altınay, A. (2011). *1711 Prut Seferi Baltacı Mehmet Paşa Büyük Petro'ya Karşı*. İstanbul: Muhsin Kitap.
- Angeli, M. (1881). *Der Krieg mit der Pforte 1736–1739*. Wien: Mitteilungen des k. k. Kriegs-Archivs.
- Başaran, V. (2019). XVIII. Yüzyılda Osmanlılarda Yazılmış Balistik Metinleri. *OTAM*, 45 / Bahar, 23–38.
- Berkes, N. (2004). *Türkiye'de Çağdaşlaşma*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.
- Beydilli, K., Şahin, I. (2001). *Mahmud Râif Efendi ve Nizâm-ı Cedîd'e Dâir Eseri*. İstanbul.
- Cezar, M. (2014). *Osmanlı Tarihinde Levendler*. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Tarih Kurumu Yayınları.
- Cezar, Y. (1988). *Osmanlı Maliyesinde Bunalım ve Değişim Dönemi (XVIII. yy'dan Tanzimat'a Mali Tarih)*. İstanbul: Alan Yayıncılık.
- Charlaftis, C. (1996). *A History of Greek-Owned Shipping*. London and New York: Routledge.
- Darling, L. (2017). Historicizing the Ottoman system: Identities of holders, fourteenth to seventeenth centuries. *Turkish Historical Review* 8, 145–173.
- Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen. Nach den Feldacten und anderen authentischen Quellen hrsg. von der Abtheilung für Kriegsgeschichte des K.K. Kriegs-Archives. Band 17* (1876). Wien: Wien Verlag des K.K. Generalstabes.
- Frangakis-Syrett, E. (1992). *The Commerce of Smyrna in the eighteenth century, 1700–1820*. Athens.
- Gibb, H., Bowen, H. (1957). *Islamic Society and the West, I/2, (Islamic Society in the Eighteenth Century)*. Londra.
- Gölen, Z. (2006). *Osmanlı Devleti'nde Baruthâne-i Âmire (XVIII Yüzyıl)*. Ankara.
- İnalçık, H. (2000). *İmtiyazat, DİA*, c. XXII. İstanbul.
- İnalçık, H., Quataert, D. (eds.) (1995). *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914*. UK, Cambridge: Cambridge University Press.
- Karagöz, H. (2008). *1737–1739 Osmanlı-Avusturya Harbi ve Belgrad'in Geri*. Alınması Doktora Tezi. Süleyman Demirel Üniversitesi, Tarih Bölümü.
- Karagöz, H. (2018). Belgrad-i Dârü'l-Cihâd'da Osmanlı Hakimiyetinin Yeniden Tesisi (1739). *Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi* 1, 183–205.
- Kartekin, U. (1958). *Yüksek Mühendis Okulu*. İstanbul: Berksoy Matbası.
- Kesbî, M. (2002). *İbretnüma-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin)*. Ankara.
- Kuzucu, S. (2012). *1787–1792 Osmanlı-Rus Savaşı*. Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü tarih anabilim dalı.

- Osmanlı, M. (2003). *İmparatorluğunda Devlet ve Ekonomi*. İstanbul.
- Pamuk, Ş. (2012). The evolution of fiscal institutions in the Ottoman Empire, 1500–1914. In: Comín Comín, F. (author), Yun-Casalilla, B., O'Brien, P. (eds.) *The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 304–332.
- Resmî, A. (2011). *Hülasatü'l-İtibar*. Ankara: Yayın Evi Gazi Kitabevi.
- Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa. Nusretnâme*, c. II, Fasikül II. <https://www.bitmezat.com/urun/2232278/nusretname-5-cilt-tam-takim-silahdar-findiklili-mehmet-aga-ismet> (accessed on September 1, 2023).
- Spyropoulos, Y., Poullos, S., Anastasopoulos, A. (2020). Çiftliks, landed elites, and tax allocation in eighteenth-century Ottoman Veroia. *European Journal of Turkish Studies* [Online]. <http://journals.openedition.org/ejts/6647> (accessed on September 1, 2023).
- Stone, D. (2006). *A Military History of Russia, from Ivan the Terrible to the War in Chechnya*. Westport, Praeger International.
- Türk Silahlı Kuvvetleri Tarihi, Osmanlı Devri Osmanlı İmparatorluğu Kara Kuvvetlerinin İdari Faaliyetleri ve Lojistik (1299–1913)*, C 3, Ks. 7. (1995). Ankara: Genelkurmay Basım Evi.
- Uyar, M., Erickson, E. (2009). *A Military History of the Ottomans from Osman to Atatürk*. USA, California, Santa Barbara: Praeger.
- Yıldız, H. (2022). 1768–1774 Osmanlı-Rus Savaşı Ortasında Kırım Pazarlığı: Fokşan Barış Müzakereleri. *Kadim* (3), 1–30.